

Глава 729: Битва воли между учителем и учеником

«Твоя жизнь - моя».

Пока он говорил, лицо Шан Синчжоу было очень спокойным, как будто он описывал одну из простейших, но и самых неоспоримых истин мира.

Солнце восходит на востоке и заходит на западе, звездное небо навсегда останется неизменным, а яйца лучше всего жарить на масле.

Услышав эти слова, Чэнь Чаншэн подумал о том известном событии, произошедшем во время внутренней борьбы Горы Ли в том году.

Лорд и министр, отец и сын, учитель и ученик - это были три закона в мире, которые было сложнее всего нарушить.

В то время, когда глава клана Цюшань произнес слова 'отец и сын', даже такой экстраординарный индивид, как Цюшань Цзюнь, был вынужден пронзить себя мечом, чтобы вырваться из их пут.

Как Чэнь Чаншэн мог справиться с подобным?

В действительности, все знали, что, как только конфликт между этим учителем и учеником наконец-то достигнет точки кипения, Шан Синчжоу определенно использует их отношения, как учителя и ученика, чтобы нанести удар. Су Моюй, студенты и учителя Ортодоксальной Академии, а также священники Дворца Ли были глубоко обеспокоены этим фактом, но никто из них не мог придумать способ для Чэнь Чаншэна ответить.

Чэнь Чаншэн, естественно, мысленно подготовил себя к этому, представляя эту сцену много раз, так что он не был удивлен.

Он не говорил преимущественно потому, что был погружен в воспоминания.

Когда юноша услышал голос учителя, он вспомнил ту сцену на Горе Ли. Глядя на заснеженные деревья вокруг озера, он вспомнил свой разговор с Тангом Тридцать Шесть.

Это было уже так давно.

В то время он и Танг Тридцать Шесть стояли на верхушке большого баньяна и смотрели на столицу в сумерках, соседний Имперский Дворец и дальний Дворец Ли.

Танг Тридцать Шесть рассказал многие вещи. Это были предупреждения, и их также можно было понять, как оскорбления его учителя.

Затем Чэнь Чаншэн начал вспоминать ночь, когда Поп вернулся к морю звезд. Он очень долго ходил в одиночестве по снежным землям Дворца Ли.

Он до этого уже сказал Попу, что он поделает с этим отношением между учителем и учеником.

Он не был Цюшань Цзюнем, а Шан Синчжоу определенно не был главой клана Цюшань. Суицид мечом здесь не имел смысла.

Он не знал, что Юй Жэнь попытался использовать такой метод в Имперском Дворце, но даже если бы и знал, он бы не пытался повторить его.

Потому что такой метод полагался на определенный факт: глава клана Цюшань лелеял Цюшань Цзюня, а Шан Синчжоу лелеял Юй Жэня.

Чэнь Чаншэн хладнокровно подтвердил очень холодный и вызывающий факт: его учитель никогда не любил его.

В то мгновение, когда он окончательно убедился в этом факте, он приобрел истинное спокойствие и свободу.

Поэтому, как он рассказал Попу, и как Танг Тридцать Шесть научил его, он должен был начать говорить.

«Спасибо вам», - сказал Чэнь Чаншэн Шан Синчжоу.

Независимо от того, был ли это какой-то отвратительный и ужасный план для бесстыдного вредительства против младенца, вы спасли меня из ручья и вырастили меня, так что... спасибо.

А потом... ну, не было никаких 'потом'.

Он спокойно смотрел сквозь снег на человека перед собой ярким взглядом, но ни одно слово не покидало его рот.

После очень долгого периода молчания Шан Синчжоу прищурил глаза и медленно сказал: «И всё?»

Чэнь Чаншэн задумался над этим вопросом, затем спрашивая: «Учитель хочет, чтобы я вернул стоимость жизни за эти года? Тогда, сколько денег в сумме?»

Он говорил очень искренне без малейшего намека на шутливость в голосе.

Это никогда не было тем, над чем стоило шутить.

Даже если я признаю, что ты спас мне жизнь, я уже поблагодарил тебя. Чего еще ты хочешь?

Ты хочешь расходы за проживание? Тогда скажи это, и я полностью всё возьму. У меня сейчас есть деньги и друг, который относительно богат.

В тот год на большом баньяне, когда Танг Тридцать Шесть сказал это, его брови взмыли вверх, как будто желая поджечь сумерки. Он гордился собой.

Чэнь Чаншэн улыбнулся, вспоминая этот образ.

Шан Синчжоу тоже начал смеяться.

Его смех был чистым и ярким, совершенно не соответствуя его возрасту и опыту. Он отличался от тихого и непримечательного даосиста средних лет в воспоминаниях Чэнь Чаншэна.

Снег, накопленный на ветвях большого баньяна, посыпался вниз.

Снег внезапно прекратился.

«Во всем мире только мы трое - учитель и ученик, можем понять, почему я не могу позволить тебе оставаться в столице».

Шан Синчжоу холодно посмотрел на Чэнь Чаншэна, говоря: «Потому что ты - единственная слабость Его Величества, его единственный недостаток».

Многие люди не понимали, почему у Шан Синчжоу было такое отношение к Чэнь Чаншэну, но так было потому, что они не понимали братские отношения между Юй Жэнем и Чэнь Чаншэном.

Несколько дней назад молодой император стоял в снегу в бушующей буре, не давая Шан Синчжоу уйти. Все это время нефритовый кулон, подаренный главой клана Цюшань, покачивался на его поясе. Его решительность и воля на некоторое время защитили жизнь Чэнь Чаншэна, и это еще больше усугубило страх Шан Синчжоу.

Если кто-то в будущем использует Чэнь Чаншэна, чтобы угрожать Юй Жэню, что тогда?

Конечно же, Чэнь Чаншэн сейчас был Попом Ортодоксии, так что, логически говоря, никто не мог использовать его.

Но если у самого Чэнь Чаншэна появятся другие мысли, если он использует власть Попа в паре с любовью Юй Жэня к нему, каким будет результат?

Чэнь Чаншэн понимал, но не мог принять это. Он серьезно сказал Шан Синчжоу: «Учитель, вы должны очень хорошо осознавать, что я - не такой человек».

Шан Синчжоу не менялся в лице: «Люди всегда меняются».

Он уже прожил в этом мире тысячу лет. Он видел слишком много изменений пейзажей, видел, как необъятные моря превращаются в поля шелковицы, и видел, как сердца многих людей проходят через непредвиденные изменения.

Он остро понимал, что, если изменить силу и статус человека, чаще всего именно по этим причинам когда-то преданные подчиненные развивают мысли о предательстве, бывшие компаньоны, которые были готовы сражаться друг за друга до смерти, обращают оружие друг против друга, а братья ссорятся. Подобные вещи слишком много раз происходили в истории Великой Чжоу, так что потеряли всю новизну.

Чэнь Чаншэн никогда не видел эти старые испытания и бедствия. Он все еще был юношей, как новый порыв ветра ранней весны.

Но он уже видел так много разложения и темноты.

Юноша искренне сказал Шан Синчжоу: «Я не стану таким человеком».

Шан Синчжоу ответил: «Я не верю тебе».

Чэнь Чаншэн спросил: «И учитель никогда не возжелает трон императора?»

Шан Синчжоу ответил: «Нет, потому что такое действие пойдет против самой эссенции моего сердца Дао».

Чэнь Чаншэн ответил: «Учитель, вы верите, что сможете действовать согласно вашему сердцу и никогда не будете желать власти и славы мира, так почему вы не можете поверить мне?»

Шан Синчжоу ответил: «Потому что я очень хорошо понимаю, где лежит моё собственное сердце, а ты еще слишком молод и просто не имеешь представления, где лежит твоё сердце,

так как ты сможешь сохранить его?»

Чэнь Чаншэн, естественно, понимал, что целью жизни его учителя было завершение предсмертного желания Императора Тайцзуна: истребить демонов, стремиться в ослепительному будущему для человечества, сформировать основы для того, чтобы Великая Чжоу оставалась постоянной на десятки тысяч поколений вперед. Ради этого он был готов заплатить любую цену...

Из портретов в Павильоне Линъянь, из легендарных министров, нарисованных на них, сколько людей погибло от рук Даосиста Цзи?

Ради свержения правления Божественной Императрицы Тяньхай, сколько людей в этом мире уже умерло, и сколько еще умрет в будущем?

Шан Синчжоу твердо верил, что сделанное им было верным, твердо верил, что он прав. В его сердце не было чувства вины или давления.

Его сердце Дао всегда было ярко зажжено. Оно было легким, как гусиное перо. С малейшим поворотом оно взлетит в голубое небо и будет дрейфовать среди семи морей. Но оно также было камнем, так что, если поток смоем всё?

Чэнь Чаншэн культивировал Дао следования своему сердцу, так что понимал.

Потому что он понимал, у него не было сострадания, только бравое побуждение.

Он мог ясно видеть единственный недостаток в Дао Шан Синчжоу.

Старый храм Деревни Синин многому его научил, Шан Синчжоу тоже многому его научил.

«Вы не любите меня, потому что я - единственный недостаток старшего товарища, но есть еще более важная причина».

Чэнь Чаншэн посмотрел в глаза своему учителю и заявил: «Вы боитесь смотреть на меня».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/221603>